

Просветительская деятельность советских классических университетов: переоценка роли

Аннотация. На основе нормативно-правовых актов, делопроизводственной документации, периодической печати и материалов интервью конструируется просветительская деятельность советских классических университетов (условия осуществления, цели, формы, характер участия, результаты). Концептуальной основой исследования стала теория «третьей роли» высшей школы. Делается вывод о том, что советская система просвещения кардинально отличалась по целям, охвату и способам достижения от имперской, что отразилось на специфике деятельности советских классических университетов, которая была вписана в новые рамки.

Ключевые слова: советский университет, просвещение, просветительская деятельность, «третья роль», всесоюзное общество «Знание», народные университеты.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048 «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века».

Raskolets V.V.

Enlightenment activities of Soviet classical universities: a valorization of the role

The enlightenment activities of the Soviet classical universities are constructed on the basis of normative legal acts, office documents, periodicals and interview materials. Moscow, St. Petersburg, Kazan, Tomsk, Saratov, Perm universities are studied. The conceptual basis of the research is put forward – the "third role", which is understood as the totality of all university activities aimed at meeting the needs of society outside the academic environment. The author emphasizes the difficulty of distinguishing the concepts of "enlightenment" and "education", which are synonymous for most contemporaries of the events. The definition of enlightenment activity is put forward – the dissemination of knowledge, skills, experience, ideas and cultural values carried out outside the framework of educational programs. The conditions, goals and nature of enlightenment activities in the pre-revolutionary and Soviet periods are investigated. It is noted that the imperial universities had a fairly narrow range of listeners, there was practically no ideologization in the materials of the lecturers, and participation in public education was voluntary. Soviet universities, on the other hand, focused on a mass audience, combined the popularization of knowledge and the promotion of socialism at the goal level, and participation in the activities themselves by the teaching staff was mandatory. Universities have become an integral part of the new system, where educational activities as a type of practice were institutionalized already in the first standard charter (1921). The forms and results of enlightenment activities are investigated. It is emphasized that the forms in which the education of the population was carried out were quite "formulaic" for all classical universities: lecture halls, Sunday universities, cells of the public organization «Znanie», public universities. It is stated that Soviet universities were indispensable and active participants in enlightenment activities, responding to all requests from the authorities during the most difficult and crisis periods of history.

Key words: Soviet University, enlightenment, enlightenment activities, "the third role", All-Union public organization "Knowledge", community universities.

Acknowledgments: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00048 «Discontinuities and continuity in the history of Russian universities. XVIII–XXI centuries».

Актуальность и постановка проблемы

Аренд Зомер и Пол Беннуорт в статье «The Rise of the University's Third Mission»[1] описали зарождение «третьей миссии» в западноевропейских университетах, а также продемонстрировали этот процесс на примере университетов в Нидерландах. Он раскрывается ими как более тесная ориентация нидерландских университетов (в условиях нехватки государственного финансирования, коммерциализации научных разработок, меняющегося характера производства знаний) на потребности общества. Большое значение стал играть потенциал конкурентоспособности университетов, девизом которого стал «настоятельный императив полезности» (urgent imperative of usefulness[1]). Вместе с тем авторы указали на то, что нидерландские университеты всегда имели исторически сложившуюся общественную роль и на разных этапах по-разному отвечали на запросы со стороны государства и общества, а «третья роль» – это переоценка (valorisation) данной роли в новых обстоятельствах с целью придания им большей ценности. Работа А. Зомера и П. Беннуорта не только в очередной раз актуализирует проблематику роли университета в жизни общества, но и показывает, как на разных этапах менялись запросы к ним.

Положение университетов в советской России также демонстрирует пример изменений запросов со стороны государства и общества и переоценки их роли. Университеты как центры средоточия наиболее квалифицированных лекторов и исследователей не могли не получить особого внимания в деле воспитания нового – «советского человека». При этом дореволюционные практики университетов в области просвещения

неизбежно должны были подвергнуться коренной реорганизации в новой системе. Однако просветительская деятельность советских классических университетов рассмотрена в историографии фрагментарно¹. Преимущественно она представлена исследованиями отдельных университетов в определенные периоды или же сосредоточена на отдельных формах организации просвещения, видах просветительской деятельности в СССР.

Данная же работа преследует своей целью конструирование устойчивой картины участия классических университетов в просветительской деятельности на протяжении советского периода. Ключевое внимание предполагается уделить видам и формам, целям и результатам деятельности классических университетов в области просвещения. По итогу будут выявлены ключевые особенности просветительской деятельности классических университетов советского периода в сравнении с дореволюционным периодом. Мы станем на шаг ближе к пониманию роли советских университетов в системе просвещения в СССР.

Методология и теоретические рамки исследования

Концептуальной основой исследования является теория «третьей роли» высшей школы, согласно которой университеты наряду с подготовкой кадров («первая роль»), проведением научных исследований («вторая роль»), осуществляют «третью роль», под которой мы понимаем **совокупность всех видов деятельности университета, направленных на удовлетворение потребностей общества за пределами академической среды**.

Просветительская деятельность относится к социально-культурной функции, осуществляемой университетом. Данная статья ориентирована на сравнительно-историческое и историко-генетическое исследование просветительской деятельности шести классических университетов действующих на территории современной Российской Федерации: Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Томский, Саратовский и Пермский университеты. Основанные в дореволюционный период, они имеют богатую традицию просвещения населения. Здесь работали выдающиеся лекторы, исследователи и общественные деятели для которых просвещение общества представляло важную ценность.

Исследователь, изучающий просвещение с точки зрения концепции «третьей роли», наталкивается на конфликт понятий. В то время как ученый, в соответствии с теорией, ориентирован на исследование процессов «за пределами академической среды» современники зачастую не разграничивали понятие «просвещение» и понятие «образование». Такая практика возникла еще в дореволюционной России и фиксировалась на уровне понятий. Созданное в 1802 г. Министерство народного просвещения (МНП), ведало не только низшими, средними и высшими учебными заведениями, но и осуществляло функции идеологического контроля и надзора. Советским преемником МНП стал Народный комиссариат просвещения, который не только обеспечивал управление сферой образования в классическом смысле, но осуществлял контроль практически над всей культурно-гуманитарной сферой в стране [3. С. 107]. Образовательная и просветительская же деятельность не могли не перекликаться, поскольку просвещение являлась процессом приобщения к знанию, а большая часть населения империи была лишена доступа к элементарному образованию.

Практики отождествления образования и просвещения имели общее употребление, выходящее за рамки нормативной регуляции. Известный советский педагог А.С. Макаренко в работе «Народное просвещение в СССР» (1937) включает в результаты просвещения не только кампанию по ликвидации безграмотности, но рассуждает, в первую очередь об успехах подготовки школьников, учащихся техникумов и вузов. «...разнообразные курсы, школы ликвидации неграмотности и малограмотности, школы переквалификации, клубные кружки и т. д... детские дома, площадки и сады...» рассматриваются им в качестве «параллельного русла просвещения»[4]. В этих условиях особенно важно учитывать содержание понятия «просвещение» в различных источниках.

Опираясь на исследования В.В. Чеха, мы можем отметить, что ключевыми разделителями между образовательной и просветительской деятельностью является степень свободы её участников, а также гибкость организационных форм. Это может быть выражено в отсутствии какой-либо учебной документации или отсутствии «*обязательной выдачи просвещаемым какого-либо документа, аналогичного документу об образовании*»[5. С. 205]. Согласно же точке зрения О.Н. Пычина различие состоит в том, что «*образование нацелено на подготовку человека к конкретной профессиональной деятельности, тогда как просветительство формирует общий уровень знаний в обществе вне рамок какой-либо образовательной программы*»[6. С. 75]. Просветительская деятельность охватывает более широкий социальный состав (преимущественно взрослых) как на уровне «просвещаемых», так и на уровне «просветителей».

Во многом поэтому к форме организации просветительской деятельности не относятся рабфаки, которые, возникнув в конце 1910-х годов к началу 1930-х стали массовой ступенью рабоче-крестьянской молодёжи в высшую школу. С точки зрения понятийного аппарата данного периода рабфаки, безусловно, являлись формой просвещения, поскольку здесь преимущественно неграмотные или полуграмотные слушатели получали знания. Однако с точки зрения теории «третьей роли» позиционирование рабфаков в качестве формы просвещения наталкивается на следующую проблему. Рабфаки представляли из себя курсы, функционирующие при университетах по определенному плану, где слушатели получали базовый уровень знаний, необходимый для обучения на основной учебной программы. Таким образом, данная деятельность не относилась к потребностям обществ «за пределами академической среды» – обучение на рабфаках осуществлялось внутри стен

университетов и для нужд университетов, поскольку окончившие курс зачастую поступали, как правило, в тот же университет.

Таким образом, мы можем определить просветительскую деятельность как **процесс распространения знаний, навыков, опыта, идей и культурных ценностей, осуществляемый вне рамок образовательных программ**².

Неопределенность понятий «просветительская деятельность» и «просвещение» усложняется разнообразием направлений их реализации: культурное, санитарное, религиозное, идеологическое, политическое, педагогическое, экологическое, половое просвещение и др. Мы предполагаем, что для университетов ведущей являлась научно-просветительская деятельность, выраженная в участии их в процессе популяризации научных результатов для широких народных масс. При этом университеты, в силу универсальности концентрировавшихся здесь знаний, могли вести просветительскую деятельность сразу в нескольких направлениях.

Мы также солидарны с исследователями, утверждающими, что потребность общества в просвещении актуализируется на определенных исторических этапах в ситуации «вызова», когда «творческому меньшинству» становится необходимым привлечь внимание широких слоёв населения к какой-либо идее и/или проблеме, которую необходимо разъяснить, а население привлечь к решению данной проблемы [8. С. 135–136]. В результатах исследования мы покажем, как данная потребность была выражена в советском просветительском проекте.

Специфика дореволюционной и советской систем просвещения и место университета в ней

Исторически просветительская деятельность являлась одним из первых видов общественной деятельности российских университетов. Первые университеты (Московский, Казанский, Харьковский, Дерптский), будучи центрами издания и торговли книгами, формировали книжную культуру городских слоёв населения, а профессора и преподаватели организовывали мероприятия, открытые для широкой публики (лекции, диспуты, защиты диссертационных работ и т.д.). Уже в начале XIX в. университеты стали допускать широкую публику в свои библиотеки, а университетская периодическая печать способствовала развитию общественной и экономической жизни в городах Российской империи [9]. Просветителями на локальном уровне становились впоследствии и выпускники классических университетов [10. С. 640].

Университеты, конечно, не являлись единственным институтом просвещения. До революции доминирующее положение (не без поддержки правительства) имело религиозное просвещение, осуществляемое на уровне церковно-приходских школ. Начиная с 1860-1870-х годов страну постепенно охватывала сеть земского просвещения. Большую роль сыграли культурно-просветительские общества. Общества, на основе сформированных комитетов грамотности, создавали различные формы организации просветительской деятельности: воскресные школы, народные читальни, училища, учительские школы [11. С. 125–128]. Во второй половине XIX в. – начале XX в. возникли народные университеты, осуществлявшие как учебную, так и просветительскую деятельность [12]. В системе Министерства народного просвещения помимо высших учебных заведений функции просвещения населения оказывали, например, библиотеки и музеи. В результате просветительская деятельность университетов в дореволюционный период охватывала сравнительно небольшое число людей (преимущественно жителей городов, где располагались университеты). Несмотря на то, что по мере расширения университетской сети и демократизации общества это число увеличивалось, появлялись новые формы и практики реализации «третьей роли» существенного сдвига в просветительской деятельности в сторону её массовизации, так и не произошло.

Особенностью просвещения дореволюционных университетов являлось отсутствие институционализации на формально-нормативном уровне и «внешней» регуляции. Правительство Российской Империи никак не поощряло и никак не ограничивало данную деятельность, если она не посягала на сложившиеся устои. Поэтому она осуществлялась добровольно на основе личной инициативы профессоров и преподавателей. Это означало отсутствие системности в области просветительской деятельности классических университетов, а для государства – внятной политики в данном вопросе.

Еще одним отличительным признаком являлось то, что просветительская деятельность имперских классических университетов носила преимущественно неидеологизированный характер (в отличие от религиозного просвещения). Всплески патриотизма университетской корпорации приходились в основном на периоды военных конфликтов (русско-японская война, Первая мировая война и т.д.).

Советский просветительский проект в отличие от дореволюционных практик имел совершенно другие приоритеты и задачи. Советская власть не разделяла просвещение и идеологию как две разные сущности: передача информации о научных открытиях и пропаганда достижения советского строя шли параллельно. «Мы не можем, – отмечал В.И. Ленин в 1920 г., – не ставить дело открыто, открыто признавая, вопреки всей старой лжи, что просвещение не может не быть связано с политикой» [13]. В результате одновременно решалось несколько важных для советской власти задач: ликвидация неграмотности и малограмотности, укрепление авторитета советской науки, обеспечение лояльности со стороны населения и формирование новой советской идентичности и т.д.

Культура, по мнению Ш. Фицпатрик, являлась для большевиков таким же местом революционной борьбы как политика или экономика, где большевики, сражаясь с буржуазной интеллигенцией, должны были завоевать

власть или потерять её [14. Р. 2]. Одним из ключевых акторов формирования культуры и социализации личности являлся университет, поэтому установление советской власти в России оказало сильное влияние на его развитие. Университеты стали объектом повышенного контроля со стороны государства, ввиду огромных возможностей оказания влияния на общество. Начиная с первых лет существования советской власти, шли непрерывные атаки на те немногочисленные элементы автономии университетской корпорации, которые она имела в дореволюционный период. Используя риторику классовой борьбы с буржуазной профессурой, советская власть к началу 1930-х гг. подчинила себе университеты и университетскую корпорацию, подстроив их под свои экономические, культурные и социальные нужды. Университеты стали, с одной стороны, местами конструирования «нового человека» (внутри университета), с другой, – «рассадниками» (за пределами университета) просвещения и советской пропаганды, между которыми власть никогда не проводила четкой демаркационной линии. Это отражалось, например, на уровне университетского делопроизводства, где мероприятия просветительского и пропагандистско-идеологического характера стояли рядом. Эта потеря университетами собственной субъектности, являющейся по мысли некоторых современников и исследователей, неотъемлемой частью самого университета как института позволила одному из них заявить, что советский университет был лишь *«пародией на дореволюционный университет»* (ТГУ, канд физ.-мат. наук, есть советский опыт).

Так же, как и в дореволюционный период, университеты в советской России, а затем и в СССР не являлись монополистами в области просвещения, но представляли собой некий институт в рамках системы. Другими институтами являлась: школа, учебные заведения среднего профессионального образования, высшие учебные заведения (отраслевые вузы и др.), дома культуры, избы-читальни, сельские и колхозные клубы, библиотеки, музеи, народные университеты (до середины 1920-х годов), различные культурные общества и др. Все они были вовлечены (а для многих это было единственным смыслом существования) в первый масштабный советский просветительский проект – кампанию по ликвидации безграмотности окончание которого пришлось на начало 1940-х годов [15]. Постепенно борьба с безграмотностью стала борьбой с малограмотностью населения. При этом кампания имела и национальный ракурс – большое количество усилий было направлено на осуществление процесса культурного национализма.

В послевоенный период просвещение было институционализировано и стало относительно независимым от образования. В мае 1947 г. возникло Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – Всесоюзное общество «Знание», далее по тексту – Общество) – крупнейшая в СССР и не имевшая аналогов в мире пропагандистско-просветительская организация. Масштаб его деятельности был поистине колоссален. В 1976 г., например, лекторами Общества было прочитано свыше 24 млн лекций, а издательство «Знание» выпустило 758 наименований книг, журналов, брошюр тиражом около 60 млн экземпляров [16. С. 110]. Именно Общество в дальнейшем стало средоточием всей просветительской деятельности в СССР.

Условия осуществления, цели, формы, характер участия и результаты просветительской деятельности классических советских университетов

В первые годы своего существования советская власть относилась к просветительской деятельности дореволюционной интеллигенции благосклонно, что во многом обусловило преемственность между дореволюционными и советскими практиками просвещения и, в частности, популяризации науки. И интеллигенция, и советская власть были убеждены в том, что достижения науки было необходимо сделать достоянием широких народных масс [17. С. 325]. Более того, общим между большевистской партией и интеллигенцией было то, что обе эти группы разделяли представление о культуре как о чем-то, что (подобно революции) «просвещенное меньшинство» несет массам, чтобы возвысить их [14. Р. 5]. Этот «пафос просвещения» проистекал из развитого чувства исторической миссии и морального превосходства, присущего обеим социальным группам. Для интеллигенции оно выражалось в осознании своей миссии служения народу, позиционирования себя в качестве критика и совести государства. Для большевиков оно проистекало из марксистской теории и чувства отождествления с силами истории. Именно активная деятельность интеллигенции в первые годы советской власти позволила Дж.Т. Эндрюсу охарактеризовать советскую культуру как «научно-популярную» по своей сути [18. Р. 6].

Во многом, поэтому просветительские инициативы профессоров и преподавателей университетов даже в период Гражданской войны не встречали какого бы то ни было сопротивления. Так, уже весной 1918 г. при Петроградском университете были организованы общедоступные (плата составляла 1 рубль) университетские курсы, которые читали известные профессора С.Ф. Платонов, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, А.Е. Пресняков, М.Д. Приселков и др. Организатором этих лекций стала «Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук», созданная летом 1917 г. Одной из её задач было *«распространение научных знаний в широких народных массах и прежде всего в рабочих группах, как наиболее в этом нуждающихся»* [19. С. 144].

Через год при университете был создан Отдел передвижных народных курсов под руководством профессора астрономии С.П. Глазенапа. С лекциями просветительского характера ученые выезжали в Новгород, Псков, Лугу, Череповец, Вологду и др. Лекции читали известные университетские профессора: А.А. Боголепов, Н.А. Булгаков, Н.М. Гюнтер, Д.И. Дейнека, В.А. Догель и др. [20. С. 286]. Вскоре к работе отдела присоединились представители практически всех высших учебных заведений Петрограда. Профессора и преподаватели

университета читали эпизодические и систематические циклы лекций в местных университетах, учительских институтах, техникумах, на педагогических курсах и для широких масс населения. Просьбы о прочтении лекций поступали как из молодых университетов (Ярославль, Симбирск, Ташкент), так и созданных до революции (Томск, Саратов). Постоянным «заказчиком» являлся университет Красной Армии им. Н.Г. Толмачева, военные части Кронштадта, Нового Петергофа, Западного фронта и др. За год своей работы в разных городах страны было прочитано около 2000 лекций, в чтении которых было задействовано около ста лекторов.

Стоит отметить, что просветительская деятельность университетской корпорации в период Гражданской войны осуществлялась отнюдь не безвозмездно, причем материальная сторона дела стояла порой на первом месте. С.З. Мандель приводит высказывание известного профессора по русской истории С.Ф. Платнова, объясняющего свой отказ поехать читать в Луту: *“Тоже вознаграждение по “тарифу” можно получить на месте жительства! Кроме того подчинить себя низкому тарифу для просвещения плебса, который всё взял у интеллигенции, я считаю для себя необязательным нравственно...”* [19. С. 145]. В определенной степени этот случай можно объяснить чрезвычайно трудными условиями положения корпорации в годы Гражданской войны, а также негативным отношением профессуры к советской власти и ее политике.

Распространенной практикой, ввиду нехватки кадров и увеличившихся запросов населения, стала координация усилий между университетами. Так в сентябре 1920 г. состоялся общий съезд ученых Казанского, Самарского, Саратовского, Костромского и Ярославского университетов. Делегаты съезда пришли к решению об обмене преподавателями для чтения курсов и студентами – для углубления знаний, а также совместной пропаганде среди широких слоёв населения [21. С. 285–286].

Советская власть закрепила распространение научных знаний «среди широких пролетарских и крестьянских масс» в декрете о высших учебных заведениях РСФСР от 2 сентября 1921 г. – фактически первом типовом уставе высшей школы при новой власти [22]. Эта цель стояла перед вузами на третьем месте (после создания кадров специалистов и подготовки кадров аспирантуры и научных сотрудников). Функции обучения и просвещения, таким образом, были закреплены за советскими вузами раньше, чем производство научных исследований. Отметим, что популяризация научных достижений являлась неотъемлемой задачей высших учебных заведений во всех последующих типовых уставах и положениях.

Изменилась тематика научно-популярных лекций. В 1920-е годы она, например, формировалась под влиянием, с одной стороны установки власти на рационализацию и укрепление материалистического мировоззрения населения, с другой, отражала государственные приоритеты, такие как план ГОЭЛРО по электрификации страны [23. Р. 96–97]. Поэтому, в начале 1920-х гг. в ТГУ профессор А.П. Пospelов читал лекции на тему «Что такое электрификация РСФСР, ее задачи и будущность», профессор А.А. Кулябко – цикл лекций для студентов и учащихся средних школ о научной организации умственного труда, профессор Б.П. Вейнберг – лекцию «Есть ли предел материальному прогрессу человечества» [24. С. 64].

Просветительская работа по-прежнему велась на базе научно-вспомогательных подразделений университетов: научных библиотек, гербариев и ботанических садов, музеев и т.д. Этнолого-археологический музей ТГУ в середине 1920-х гг. за три года посетило около 90 тыс. человек [25].

Возникли новые инструменты популяризации знаний. С 1927 г. научные работники Ленинградского университета, например, приступили к систематической передаче лекций по радио. В 1931 г. при ЛГУ был создан массовый сектор, преобразованный позже в Отдел массовой работы, ставивший своей задачей популяризацию научных знаний среди широких масс трудящихся.

В 1920-е гг. при государственных университетах на новых началах были воссозданы воскресные университеты, где читались лекции по различным вопросам науки и техники, истории, медицине и международной политике. При МГУ Воскресный университет был образован 14 ноября 1926 г. Занятия в нём (как можно догадаться) проходили по воскресеньям. За 1926/1927 уч.г. было прочитано 70 лекций, число слушателей составило около 15 тыс. человек. Кроме того Воскресный университет организовывал выезды лекторов в казармы Московского гарнизона, в районные и фабрично-заводские клубы и т.д. К 1929 г. лекции превратились в устойчивые двухгодичные курсы по циклам «Советское право», «История и литература», «Естествознание», «Медицина» [26].

Практика организации Воскресных университетов в 1920-е гг., однако, не стала повсеместной. В Томском госуниверситете Воскресный университет был открыт лишь в период Великой Отечественной войны (весной 1942 г.). Его посещали студенты и преподаватели вузов Томска, а также рабочие и служащие предприятий и организаций города. Здесь читались лекции по различным вопросам науки и техники, истории и международной политики. Одной из главных была тема воспитания патриотизма. В среднем их посещали от 25 до 70 человек. Ежегодно в воскресном университете читалось около 20 лекций [27. С. 229].

В 1930-е гг. при университетах были образованы лектории, что было закреплено на уровне университетских уставов. В уставе МГУ (1939), например, указывалась как задача лектория (*«пропаганда достижений передовой науки и техники, содействие путем лекций идейно-политическому воспитанию трудящихся на основе марксизма-ленинизма; популяризация основ знаний отдельных разделов политики, экономики, литературы и искусства»*), целевая группа, на которую направлена деятельность (*«культурно-массовая работа среди широких масс трудящихся»*), так и виды его деятельности: шефская работа в частях РККА, цикловые и эпизодические лекции в аудиториях и на фабрично-заводских предприятиях и т.д. [28. С. 394–395].

В уставе отмечалось, что лекторий является хозрасчетной организацией, что, по-видимому, означало, что лекции уже в тот период читались за материальное вознаграждение.

Лектории развернули широкую деятельность. Например, в лектории Томского госуниверситета каждый год прочитывалось около 30 лекций на разнообразные темы (как правило, относящиеся к научной специализации лектора): профессор В.Н. Кессених читал лекцию на тему «Переменные токи в исследованиях металлов и в геологических разведках», профессор П.С. Тартаковский – «О некоторых проблемах квантовой механики», профессор Б.П. Токин – «Дарвин и его учение» и т.д. [24. С. 65]. Лекции пользовались большим интересом среди молодежи города, порой они проходили в переполненных аудиториях.

Одно из первых лекционных бюро было организовано в 1929/30 учебном году при Казанском университете. В его состав вошли лучшие научные работники, а затем и аспиранты. Тематика лекций, в отличие от периода 1920-х годов, носила, преимущественно, государственный заказ. Так, например, в первый год деятельности были прочитаны лекции на темы: «Марксистско-ленинское учение о государстве», «Марксизм и национальный вопрос», «Пятилетка промышленности», «Очередные вопросы просвещения СССР» и т.д. Лекции читались на русском и татарском языках, в городе и сельской местности. Постоянными слушателями лекций были преподаватели средних школ Казани. Среди студентов особой популярностью пользовались лекции по истории литературы и музыки, которые сопровождались музыкальными иллюстрациями [29. С. 211].

В 1920-е – 1930-е годы лектории, по-видимому, не являлись формой просвещения широко институционализированной при университетах. Например, в Ленинградском университете лекторий был создан лишь в годы Великой Отечественной войны, но затем продолжил свою работу в послевоенное время [19. С. 150].

Работа лекториев отражала текущее состояние знаний в СССР. Уже в период «развитого социализма», в 1978/1979 учебном году, лекторами МГУ было предложено для публичного чтения 25 тем, в т.ч.: «Теория массового обслуживания», «Особенности, бифуркации и катастрофы», «Проблемы современной психологии», «Вычислительные машины и их использование», «Современные проблемы цитологии, генетики и биоорганической химии» и др. Как видно из тем лекций, по мере развития наук и повышения грамотности населения менялась и их тематика в сторону более актуальных научных проблем.

Преподаватели университетов являлись организаторами и играли активную роль в работе созданного в мае 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – Всесоюзное общество «Знание», далее по тексту – Общество) – крупнейшей в СССР и не имевшей аналогов в мире пропагандистско-просветительской организации.

Классические университеты стали инициаторами создания первых отделений Общества в стране. Известные профессора возглавляли отделения, первичные организации и секции Общества, сеть которых начала образовываться в конце 1940-х гг. по всему СССР [30. С. 50]. 23 мая 1947 г. оргкомитет Общества принял МГУ в члены-учредители. Спустя четыре дня, 27 мая 1947 г. было образовано Казанское отделение Общества. Примерно в это же время приглашение на вступление в ряды Общества от имени академика С.И. Вавилова было выслано руководству Томского госуниверситета на, что был дан положительный ответ [31. Д. 1. Л. 151–152]. В состав оргкомитета по организации томского отделения Общества вошли профессора ТГУ В.Д. Кузнецов и М.А. Большанина, доцент К.А. Водопьянов.

Именно в высшей школе были сосредоточены наиболее квалифицированные кадры, способные к прочтению информативных и увлекательных лекций, написанию познавательных научно-популярных трудов.

В первичную организацию Общества «Знание» при МГУ в 1972 г. входило около 2500 человек, в то время как в университете на естественных и гуманитарных факультетах работало 4265 сотрудников [32]. В работе отделения участвовали 25 академиков и 22 члена-корреспондента АН СССР, 387 докторов и профессоров, более 1300 ассистентов, старших преподавателей и доцентов, 391 аспирант и 139 студентов. С 1970 по 1972 г. преподавателями, сотрудниками и студентами МГУ было прочитано 22 576 лекций. Местами выступления являлись предприятия, школы, военные и гражданские организации Москвы и Московской области, многие города страны, а также зарубежье [32].

Востребована была деятельность преподавателей Томского университета. *«Активно работало общество Знание. Нас всё время просили читать лекции там-сям. Перед выборами особенно. Особенно конституционный процесс в 77-м [кампания перед принятием Конституции СССР 1977 г. – В.Р.]»* (ТГУ, канд. юрид. наук, есть советский опыт). *«Общество Знание работало. Постоянно лекции в институте совершенствования учителей. Мы как историки всё время были задействованы для разного рода просветительской работе, выступления среди пионеров, комсомольцев, школьников»* (ТГУ, д-р. ист. наук, есть советский опыт).

На позднем этапе деятельности Общества роль университетов в его работе была, прежде всего «качественной», но не «количественной». Это было обусловлено процессом размывания высококвалифицированных кадров из вузов и научных учреждений более широкой прослойкой советской интеллигенции. Косвенно мы можем определить это по следующим цифрам: если в 1948 г. 74 % членов общества составляли ученые (сотрудники академических институтов и отраслевых НИИ, доктора и кандидаты наук, работающие в высшей школе и др.), то в 1977 г. этот показатель опустился до 5,5 %. Самой многочисленной социальной группой в Обществе стали не академики и профессора, как это было на заре его становления, а школьные учителя, врачи, инженеры и агрономы.

Политика массовизации Общества «Знание» возвращает нас к проблеме добровольности участия профессоров и преподавателей в реализации «третьей роли». Согласно положениям о вузах 1961 и 1969 гг. профессорско-преподавательский и научный состав высшего учебного заведения были обязаны *«распространять научные и политические знания среди населения»* [33–34]. Мнения же респондентов по этому поводу разделились. Один из них, настроенный скептически в отношении к советской идеологии, отмечал: *«Это была обязаловка. Нам вписали это, поэтому я занимался»* (ТГУ, канд. физ.-мат. наук, есть советский опыт). Но большая часть респондентов свидетельствует о более органичной работе по линии Общества: *«Я, когда начинал работать даже куда-то в район выезжал, там тоже просвещал. [Это] по желанию было, никто особо не принуждал»* (СГУ, д-р ист. наук, есть советский опыт).

Другой проблемой (отчасти вытекающей из предыдущей) является проблема характера деятельности профессоров и преподавателей в рамках Общества «Знание». Безвозмездность той или иной деятельности не может являться «фильтром» для определения «третьей роли». Университетская корпорация, как правило, всегда получала вознаграждение в рамках своей деятельности материального и/или нематериального характера (будь то моральное удовлетворение, общественное признание, или учет общественной нагрузки в индивидуальном плане). Однако в СССР в период существования Общества как массовой организации распространенными стали практики заработка на прочитанных лекциях. Один из респондентов вспомнил: *«У нас один доцент, Василий Владимирович, он говорил: “интеллигент в поиске десятки”»* [десяти рублей, выплачиваемых лектору Общества в качестве гонорара – В.Р.] (СГУ, д-р ист. наук, есть советский опыт). И, поскольку, лишь $\frac{2}{3}$ лекций являлись платными, а треть – шефскими (бесплатным), лекторы нередко отказывались выезжать в подшефные территории и выполнять свою общественную роль. В 1949 г. из 53 профессоров, состоявших в региональной организации Томской области, лишь 5 «эпизодически» выезжали в сельскую местность [31. Д. 9. Л. 10]. Д.А. Пинаева, изучавшая кейс Татарской АССР, приводит массу таких примеров про казанских лекторов [16. С. 113].

Особое положение в системе советского просвещения стали играть народные университеты. Начиная с 1950-х годов, они создавались Обществом «Знание», профильными ведомствами (министерства образования, здравоохранения, культуры и др.), творческими союзами и профсоюзами и др. По наименованию они являлись преемниками народных университетов дореволюционного периода, однако, имели свою специфику [3]. Функции советских народных университетов были более разнообразными и включали не только просвещение населения, популяризацию науки, военно-патриотическое воспитание, но и повышение квалификации. Более дифференцированными они были и по своей специализации: от общественно-политических до физических и даже сугубо прикладных; так и по времени обучения: от 1 до 3 лет. Число народных университетов и их слушателей росло также стремительно как в случае с Обществом «Знание». Если в 1961 г. в СССР работало 6357 народных университетов с числом слушателей почти 1,5 млн человек, то к 1969 г. число университетов достигло 15 788, охвативших около 3,2 млн человек [35. С. 351]⁴. К 1980 г. на 1000 человек взрослого населения республики приходилось 48 слушателей народных университетов [36. С. 167].

Большую роль в организации и деятельности народных университетов сыграли университеты классические. Так, в 1959 г. преподаватели гуманитарных факультетов участвовали в организации университета культуры (как одного из народных университетов) для слушателей МГУ. В 1960 г. студенты философского факультета МГУ совместно со студентами Института восточных языков организовали народный университет иностранных языков. В 1961 г. по инициативе юридического факультета МГУ и Московского городского отделения Общества по распространению политических и научных знаний был организован Московский городской народный университет правовых знаний. А в 1971 г. при парткоме МГУ был открыт Народный университет в составе факультетов конкретной экономики (86 слушателей) и коммунистического воспитания (50 слушателей) [32].

В Томской области первые народные университеты («здоровья», знаний о природе и её охране, правовых знаний и др.) возникли в 1960 г. К 1972 г. в Томской области работало 85 народных университетов (из них в Томске – 35) в которых занималось 32 тыс. слушателей.

Видное место в их работе принимали ученые Томского университета: первыми руководителями народного университета правовых знаний были доцент В.Н. Петров, профессор В.Н. Щеглов, затем доцент И.В. Фёдоров [31. Д. 593. Л. 14.]. Ректором народного университета знаний о природе и её охране являлся профессор ТГУ И.П. Лаптев. Профессор ТГУ Б.Г. Иоганзен являлся деканом радиофакультета, на котором проводились научно-популярные передачи.

Лекции представителей университетов читались не только в самом городе, но и в области. Так, профессор историко-филологического факультета ТГУ И.М. Разгон, доценты Л.Г. Сухотина, В.А. Соловьева, Г.Х. Рабинович и др. читали лекции в народном университете культуры с. Бакчар [31. Д. 206. Л. 3]. В Асино и Колпашево работали профессор И.П. Лаптев, Н.Ф. Тюменцев, Б.Г. Иоганзен и др.

Заключение

Просветительская деятельность имперских и советских университетов характеризуются во многом противоположными чертами. Имперские университеты имели достаточно узкий охват слушателей, в материалах лекторов практически отсутствовала идеологизация, а участие в просвещении населения было добровольным. Советские же университеты ориентировались на массовую аудиторию, сочетали на уровне

целей популяризацию знаний и пропаганду социализма, участие в самой деятельности со стороны профессорско-преподавательского состава было обязательным. Последний признак, будучи вписанным в уставы университетов (с 1921 г.), является дискуссионным на то, что указывает хозрасчетный характер чтения популярных лекций. Изучение ценностной стороны просветительской деятельности в условиях ограниченной субъектности университетов также представляет собой достаточно перспективную научную тематику.

От безразличия со стороны власти в имперский период просвещение населения стало важным государственным делом в советской России. Органичной частью новой системы стали университеты, где просветительская деятельность как вид практики была институционализирована уже в первом типовом уставе. Несмотря на это формы, в которых осуществлялось просвещение населения, были достаточно «шаблонными» для всех классических университетов: лектории, воскресные университеты, ячейки общества «Знание» и, наконец, народные университеты. Характерным является факт того, что университеты не смогли создать уникальных форм просветительской работы, но, начиная с деятельности Общества «Знание» функционировали в рамках общесоюзных. В результате формы просвещения как вид деятельности в рамках «третьей роли» предстают достаточно близкими. Исследование качественной стороны просветительской деятельности, равно как и тематики самих лекций является темой для самостоятельной научной работы.

Перспективным представляется и дальнейшее выявление результатов просвещения населения советскими классическими университетами. Данное исследование позволило нам привести лишь некоторые неполные результаты работы. Однако уже сейчас можно констатировать, что советские университеты являлись неперенными и активными участниками просветительской деятельности, живо откликались на все запросы со стороны власти в самые тяжелые и кризисные периоды истории (Гражданская война, Великая Отечественная война) и «шли в ногу» с институционализацией просвещения в СССР (Общество «Знание»).

Литература

1. Zomer A., Bennenworth P. The Rise of the University's Third Mission // Reform of Higher Education in Europe. pp. 81–101. URL: https://www.researchgate.net/publication/225213282_The_Rise_of_the_University's_Third_Mission
2. Лобанова О.В., Шмольская Л.С., Плеханова Е.М., Цыганкова В.А. Просветительские практики преподавателей советской высшей школы и их вклад в развитие регионального образовательного пространства // Преподаватель XXI век. 2025. № 2. Ч. 2. С. 227–239.
3. Чеха В.В. Просветительская и образовательная деятельность: перспективы взаимодействия // Наука и школа. 2025. № 2. С. 101–111.
4. Макаренко А.С. Народное просвещение в СССР // Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. URL: http://az.lib.ru/m/makarenko_a_s/text_1937_narodnoe_obrazovanie_v_sssr.shtml.
5. Чеха В.В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 1. С. 198–210.
6. Пычин О.Н. Исторический опыт советского просветительства в перспективах развития России // Вестник российского государственного аграрного заочного университета. 2018. № 30 (35). С. 74–80.
7. Что изменилось в законе об образовании с принятием поправок о просветительской деятельности. Информационный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/prosvetitel-skaia-deiatel-nost-3c9e31>
8. Симбирцева Н.А., Челышева И.В. Просветительская деятельность: структурно-содержательный анализ понятия в отечественной традиции // Педагогический журнал Башкортостана. №4–5. 2020. С. 127–140.
9. Российские университеты XVIII–XXI веков: Разрывы и преемственность / Науч. ред. М.В. Грибовский; авт.: М.В. Грибовский, А.Ю. Андреев, Р.Р. Вахитов, И.Г. Дежина, В.В. Расколец, А.А. Ромахова, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, А.О. Степнов, Д.В. Хаминов. Томск: Издательство Томского университета. **В печати.**
10. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. 671 с.
11. Попов Д.И. Консолидация общественных сил в России в области культурно-просветительной деятельности в 1860-х – 1880-х гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 122–131.
12. Фандо Р.А. Народные университеты Российской Империи: от популяризации к организации науки. М.: Янус-К, 2020. 344 с.
13. Ленин В.И. Речь на всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Полное собрание сочинений. Т. 41. URL: <https://leninism.su/works/80-tom-41/1234-rech-na-vsrossijskom-soveshhanii-politprosvetov-gubernskix-i-uezdnyx-otdelov-narodnogo-obrazovaniya-3-noyabrya-1920-g.html>

14. Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992. 265 p.
15. Глушченко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 246–282.
16. Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. 108–118.
17. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020. 469 с.
18. Andrews J.T. Science for the masses: The Bolshevik state, public science, and the popular imagination in Soviet Russia, 1917–1934. – College Station: Texas A&M univ. press, 2003. 234 p.
19. Мандель С.З. Культурно-просветительская деятельность ученых Петроградского университета в первые годы советской власти // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1. Л., 1962.
20. 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись 1724–1999 / Под ред. Л.А. Вербицкой. СПб., 1999. 424 с.
21. Исаков А.П. Летопись Казанского государственного университета: история в фактах, подтвержденных документами / В 2-х т. Казань: Т. 1: 1804–1945. 2004. 488 с.
22. Декрет Совета Народных Комиссаров. О высших учебных заведениях РСФСР. (Положение). 2 сентября 1921 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350577-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-o-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-r-s-f-s-r-polozhenie-2-sentyabrya-1921-goda>
23. Banerjee A. We modern people: Science fiction and the making of Russian modernity. – Middletown: Wesleyan univ. press, 2012. – VIII, 206 p.
24. Литвинов А.В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20–30-е гг. XX в. Томск, 2006. 156 с.
25. МАЭС ТГУ: 140 лет в истории Сибири. URL: <https://vk.com/@tsu.fipn-maes-tgu-140-let-v-istorii-sibiri>
26. Воскресный университет МГУ. URL: https://vk.com/wall-78019879_49473
27. Томский университет. 1880–1980 / отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск.
28. Уставы Московского университета, 1755–2005 / авт.-сост. Гена Е.И. М., 2005. 480 с.
29. История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина (материалы к обсуждению) / под общ. ред. Д.Я. Мартынова. Казань, 1954.
30. Пинаева Д.А. Организация пропагандистско-просветительской работы в советской России в 1940–1950 гг. (на примере деятельности татарской республиканской организации Общества «Знание») // Казанская наука. 2013. № 9. С. 48–51.
31. ГАТО. Ф. Р–1603. Оп. 1.
32. Летопись Московского университета. URL: <http://letopis.msu.ru/>
33. Положение о высших учебных заведениях СССР от 21.03.1961. URL: <https://docs.cntd.ru/DOCUMENT/9053534>
34. Положение о высших учебных заведениях СССР № 64 от 22.01.1969. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765710565>
35. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1971.
36. Пинаева Д.А. Народные университеты в системе непрерывного образования советских граждан в 1970–1980 гг. (на примере Татарской АССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. С. 164–169.

Сведения об авторах:

Расколец Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета. Email: predator-101@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Raskolets Viktor Vladimirovich – candidate of historical sciences, senior research fellow at the problematic research laboratory of history, archeology and ethnography of Siberia at Tomsk State University, senior lecturer at the Department of Russian History at Tomsk State University. Email: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

¹ Наиболее близкой по задумке к заявленной проблематике является исследование, в котором была изучена просветительская деятельность Лесосибирского педагогического института 1940–1980-е [2].

² Используемое нами понятие является близким к официально принятому в законодательстве Российской Федерации [7].

³ В первые годы советская власть благосклонно относилась к народным университетам. На VIII съезде РКП (б) в 1919 г., в программу партии был включен пункт о всесторонней государственной помощи народным университетам как одной из форм внешкольного образования, «самообразования и саморазвития рабочих и крестьян». Несмотря на это, большинство народных университетов в 1920-е гг. было закрыто.

⁴ Читателя не должно смущать столь большое число учреждений подобного типа. Большинство университетов представляло собой одногодичные курсы просвещения и/или повышения квалификации, которые открывались и закрывались тысячами в год. Это давало возможность на местном уровне успешно отчитываться об увеличении показателей роста народного образования.